

4 В филармонии с Сергеем Шмидтом

Сероватов справился с Равелем одной левой, а Шостакович оказался средством против “желтой угрозы”

■ Непросто человеку, не имеющему музыкального образования и не являющемуся навсегда филармонией, писать о филармоническом концерте. Однако же пора подтачивать монополию остепененных искусствоведов на темы такого рода.

Итак, вот сумбурные впечатления о концерте в Иркутской филармонии, который состоялся 18 февраля сего года.

Начиная с 11 февраля, иркутских музыкальных ценителей перекормили фортепьянными концертами. Один за другим — целых четыре штуки. Выступили: Т.Йоаметс (Эстония), А.Вершинин (Москва), Анатолий и Эльвира Полонские (Новосибирск). В этом ряду именитых гастролеров выделялся наш Константин Сероватов, исполнивший партию фортепиано в концерте ре мажор для левой руки Мориса Равеля.

Напомним “послужной список” Сероватова. Коренной иркутянин. Выпускник музыкальной школы во втором Иркутске, которая по количеству знаменитых выпускников может претендовать на место “первой” музыкальной школы города. Учился в аспирантуре Санкт-Петербургской консерватории. Лауреат международных конкурсов. Бесспорно, самый популярный из живущих в Иркутске пианист. Очень сдержанный и немногословный человек, играющий без какого-либо декоративного артистизма. Но играющий так, что слушатель забывает обо всем. Сероватов вытalkingает музыку за пределы какого-либо эстетства. То практически “животное” растворение в музыке, который современный слушатель привык искать в джазе, в роке, в электронном дансинге, можно обрести,

слушая сероватовское исполнение классики. На гораздо более трезвую голову и за гораздо меньшую цену.

18 февраля Сероватов сыграл гениально. “Вот и все об этом человеке”, как говорила Шахерзада.

Однако нет. Добавлю еще немного. О том, что в кулуарном шепоте было ясно слышно беспокойство публики по поводу кумира: как долго еще ему суждено выступать в Иркутске? Публику можно понять. Не хочется о грустном, но

То растворение в музыке, который современный слушатель привык искать в джазе, в роке, в электронном дансинге, можно обрести, слушая сероватовское исполнение классики.

вспомним, какое количество талантливых людей в последние годы не смогли найти себе места в Иркутске. То есть в городе, жители которого вот уже столько десятилетий, благодаря случайной фразе умнейшего из русских литературных классиков, пребывают в благостной уверенности, что живут в исключительно “интеллигентном” населенном пункте.

Между тем “интеллигентный город” спокойно растранижил все свое театральное своеобразие — одаренность Вячеслава Кокорина, Ивана Вырыпаева, Валерия Шевченко оказалась востребована в других городах и всяях. Эти люди не сумели проявить необходимую гибкость и в конечном счете не нашли в Иркутске ни места, ни

средств, чтобы продолжать работу. (От ред. — В этом деле есть и другая сторона: если иркутский зритель проиграл, то покинувшие наш город художники от отъезда безусловно выиграли.)

Поневолу задумаешься, не угрожает ли сей преследующий иркутские таланты и чальный для нашего города рок выдающемуся иркутскому пианисту? Ведь у местных чиновников от культуры может просто не хватить времени для того, чтобы обратить внимание на очередной иркутский “феномен”. Они заняты очень серьезными делами — в лучшем случае устройством грандиозного “Сияния России”, в худшем — поддержкой гастролирующего колдуна Грабового. Не прирастет ли Сибирью в очередной раз богатство и величие России без всякого обратного эффекта?

Да и сам симфонический оркестр раздираем интригами и противоречиями. И хотя даже такому дилетанту, как, я совершенно очевиден тот парадоксальный факт,

что под руководством второго дирижера наш оркестр звучит во сто крат раз лучше, чем под руководством дирижера главного, разумеется окончание “симфонической войнушке” не предвидится. Оркестр наш называется Губернаторским. К сожалению, на музыкальность иркутских губернаторов остается только надеяться. А пока, быть может, музыканты поучатся у своих великих предшественников?

Например у Мориса Равеля, чью музыку они так мастерски исполнили в субботний вечер. Равель написал второй концерт ре мажор для австрийского пианиста Пауля Витгенштейна, потерявшего в Первую мировую войну правую руку. Поясню намек. Равель —